

слово, на его доброе имя; он у них забрал всё и поминай как звали; у бедных остались одни глаза, чтобы плакать! Да разбойник на большой дороге честнее банкрота; разбойник нападает, от него отбиваются; он головой рискует; а банкрот... Брат мой обесчестил навек своего сына.

Страшные слова тяжело отдались в благородном сердце Евгении. Она не имела никакого понятия о свете, о его верованиях и софизмах; она была чиста и невинна сердцем и ничего не знала, расцветая в глуши, как пышный цвет в дремучем лесу. Она поверила жестокому, безжалостному изъяснению банкротства; и ей не объяснили неизмеримой разницы банкротства невольного, следствия непредвиденных несчастий, от банкротства, рассчитанного плутовством и бесстыдством. 10

— А вы, батюшка, вы никак не могли воспрепятствовать этому несчастью?

— Брат со мной не посоветовался, — отвечал старик, — да и должен-то он был три миллиона.

— А что такое миллион, батюшка? — спросила Евгения, с наивностью дитяти, желающего как можно скорее достать то, чего ему вдруг захотелось. 20

— Три миллиона? — сказал старик, — это три миллиона монет в двадцать су; нужно пять монет в двадцать су, чтобы вышло пять франков.

— Господи, Боже мой! — вскричала Евгения, — да как это могло быть у дядюшки столько денег! неужели есть еще кто-нибудь во Франции, у кого было бы три миллиона?

Старик потирал свой подбородок, гримасничал, улыбался и, казалось, шишка на носу его шевелилась и двигалась.

— А что будет с братцем?

— Он отправится в Индию; это будет, по крайней мере, по 30 желанию отца его. Там он постарается себе сколотить копейку.

— А есть ли у него деньги на проезд, батюшка?

— Я заплачу за него... до Нанта.

Евгения прыгнула на шею отца.

— Ах, батюшка! ты добр! милый, добрый батюшка!

Она так целовала отца, что скряге стало как-то стыдно; совесть немного щекотала его.

— Много ли нужно времени, чтобы скопить миллион? — спросила она.

— Ну, — сказал бочар, — ты ведь знаешь, что такое луидор? 40
Нужно 50 000 таких луидоров, чтобы набрать миллион.

— Маменька, будем мы справлять поминки? — спросила Евгения госпожу Гранде.

— Я уже думала об этом, — отвечала она.